

Катя КАЧУР

ВИНЬЕТКА ТУТОВОГО ШЕЛКОПРЯДА

Рассказ

Часть 1. Голова

Как только Аркашка продрался сквозь засаленные юбки молочниц и окровавленные штаны мясников, его пробил сильнейший озноб. В проеме двери рыночного туалета, во второй дырке от входа виднелась мертвая мужская голова с приоткрытым ртом и глазами, залепленными отвратительной коричневой жижей. Хозяин головы находился ниже уровня досок, на которые люди вставали ногами перед тем, как спустить штаны. Аркашка, покрываясь гусиной кожей, сделал еще несколько шагов и оказался внутри общественной уборной. Теперь ему было видно лицо утопленника — оно скорбело, на залитых человеческими испражнениями губах застыла горькая усмешка. Ледяная игла пронзила Аркашкин позвоночник и вышла из затылка, притягивая к себе волосы. Кто-то толкнул его в спину, и он упал на колени, оказавшись нос к носу со зловонным покойником. Аркашка попытался вскочить на ноги, но его тело будто парализовало. Он хотел зажмуриться, но глаза предательски усталились на прилипшие ко лбу мертвеца волосы и желтые зубы, обнаженные в левом углу рта. Сзади Аркашку схватили за резинку на штанах и выволокли на улицу, пинком под зад придав направление его полету. Ударившись головой о лоток с арбузами, он очнулся, и звенящую тишину его собственного ужаса наконец прорвали крики толпы. Женщины выли, мужчины о чем-то громко спорили.

— Ну что, видел жмурика в говне? — к Аркашке подскочил одноклассник Левка Фегин.

Он попытался ответить, но тугая волна подступила к горлу и выплеснулась наружу маминым форшмаком. Левка Фегин ловко отскочил, замарав только носок жеваного ботинка.

Вечером у Аркашки поднялась температура. Бывший полевой врач дядя Додик — сосед по маленькой четырехкомнатной квартире в кирпичном доме на улице Полторацкого — прохладной сухой ладонью убрал со лба мальчика вспотевшие волосы и, обернувшись к матери, грустно произнес:

Екатерина Валерьевна Качур родилась в городе Куйбышеве в 1973 году. Окончила Самарский государственный университет (факультет биологии). Работала корреспондентом и ведущей новостей и ток-шоу в трех телекомпаниях («СКАТ», «Будни», «ГТРК-Самара»). С 2000 года переехала в Москву и стала специальным корреспондентом «Первого канала» (программы «Доброе утро», далее — «Новости», «Время», «Воскресное время»). С 2019 года — литературный редактор Театра наций (Москва). Автор романа «Капля духов в открытую рану» (ЛитРес, 2021).

— В этом мире нельзя быть таким впечатлительным, Бэлла.

Аркашка был впечатлительным. Он знал за собой этот грех, и ничего не мог с ним поделать. Под лысой головой с огромными ушами, растущими строго перпендикулярно его черепу, скрывался могучий на выдумки мозг. Он домысливал едва увиденное и услышанное до мельчайших деталей: будь то рассказ болтуна Левки Фегина или математическая формула, выведенная на доске Людмилой Ивановной.

— Величайшего ума мальчик, — говорила Людмила Ивановна матери, навещая Аркашку в момент острой пневмонии, — только болеет часто. Скажите спасибо, что в век пенициллина живем — иначе бы труба! И будьте уверены, — она понижала голос до шепота, — он будет в правительстве сидеть!

Бэлла Абрамовна вздыхала, а у Аркашки перед глазами вставали плакаты членов Политбюро во главе со Сталиным, которыми были увешаны стены его ташкентской школы и расцвечены первые страницы учебников. Он буквально наяву видел, как Левка Фегин открывает литературу за третий класс и с тыльной стороны обложки между Молотовым и Ворошиловым обнаруживает его, Аркашкино, ушасто-лысое лицо.

— А ты говорил, в ЦК — специально сделанные люди, — подденет Леночка из соседней девчачьей школы, — а вот он, Аркашка, сидел во дворе с нами, а теперь сидит там, — и возденет глаза к небесам, закатывая зрачки и являя миру тыльную сторону своего белейшего ока с сеточкой розовых сосудов.

Левка фыркнет, обмакнет перо в чернила и начнет с усилием рисовать на Аркашкином лице очки, бороду и рога.

В этот момент Аркашка ежился и ощущал, как кожу на лбу и возле носа царапает раздвоенное перо, а чернила противно въедаются в поры. К вечеру на его лице возникла красная сыпь, по форме напоминавшая очки.

На этот раз Аркашку трясло. Он представлял, как тонет и захлебывается в гуще испражнений, отплеываясь и глотая отвратительную фекальную массу, которая наполняла желудок и легкие, как бочковое пиво папину военную флягу. Мама готовила что-то вкусное на керогазе. В комнату, постучав, попытался войти Гриша — красивый, статный мужчина, служивший, как и отец, военпредом на авиационном заводе. Он открыл дверь и споткнулся о раскладушку, на которой разметался Аркашка, перерегораживая вход. Обычно раскладушку ставили поздно вечером, когда все ложились спать, и убирали с подъемом. И лишь во времена Аркашкиных болезней ее не складывали даже днем.

— Бэллочка, насыпь соли жмень, — обратился Гриша к матери, перешагивая через Аркашкино ложе, — а ты что, малой, опять киснешь? — подмигнул он пацану.

— Дядя Гриш, посиди со мной, — хриплым голосом попросил Аркашка, — мне страшно.

— Чего? — присвистнул Гриша.

— А ну, всех начнут в туалетах топить? — Аркашка натянул одеяло до уровня глаз.

— О, началось! Тебя точно не утопят.

— Почему?

— Ты же отличник, октябренок, пионером вот-вот станешь, тебя-то за что?

— А его за что?

— Наверное, плохо учился, выгнали из комсомола, — предположил Гриша.

— Гриня, а правда, что слышно? — переспросила мать, протягивая ему соль в бумажном кульке.

— А я знаю? Поди, шобола бандитская порешила, перебежал дорожку кому-нибудь. Ранение у него ножевое в боку оказалось.

— Личность-то опознали?

— Да, отмыли, десять ведер воды вылили, старлей из районной милиции вроде опознал — вор он, проходил по краже в доме Харузовых как соучастник, да не хватило улик, чтобы посадить.

Гриша подмигнул Аркашке и вышел в коридор, неровно стуча сапогами: осколки немецкого снаряда, раскrojившие бедро, сделали его походку неустойчиво-раскосой.

За стеной слышались гортанное пение и смех — проснулась сумасшедшая Лида. Через десять минут из щелей потянуло чем-то горелым.

— О! Мишигине¹ снова кашу сожгла, — вздохнула мать, — придет тот день, когда она нас всех спалит, попомни мое слово!

У матери Лида всякий раз вызывала брезгливый страх: своим горящим безумным взглядом, рыхлым бесформенным телом, абсолютно белой прозрачной кожей и полным отсутствием бровей, да и вообще любой растительности на теле. Кроме светло-пшеничной косы и белесых ресниц, у нее не было ни одного волоска ни на руках, ни на ногах. Из-за этого Лида казалась чем-то средним между ангелом и лягушкой-альбиносом. Всем недовольным Лида совала в нос потрепанную бумажку, где неразборчивым почерком на латыни было что-то написано и стояла фиолетовая печать. По факту это означало, что она официально признана душой и может делать все, что ей заблагорассудится. Сколько Лиде лет — не знал никто. Предполагали, от восемнадцати до сорока. Раньше за ней ухаживала родная тетка, кормила, одевала, водила за руку по улицам, заходила в лавки и на рынок. Лида всегда смеялась, как лошадь, задирая верхнюю губу и обнажая красивые перламутровые зубы, она любила внимание, и чем больше в нее тыкали пальцем, тем громче был ее смех. Впрочем, вскоре к Лиде привыкли. Женщины на рынке часто совали ей в карман фартука конфеты, изюм, яблоки. Пацаны — кашки, камни и жуков. Лида была одинаково рада и тому, и другому. Мужики не упускали возможности ущипнуть ее за дебелий зад и пухлые, болтающиеся под цветастым ситцем груди. Ее безумие их возбуждало. Нередко, в байках между собой, они имели Лиду и так и эдак, но дальше слов не заходило — родственница охраняла ее, как сторожевая собака. Умерла тетка в одночасье. Лида осталась одна, шефство над ней неформально взяли соседи по квартире — жильцы четырех комнат, среди которых были Аркашкины родители, Гриша и врач дядя Додик. Ее перестали выпускать на улицу, покупали продукты на государственное пособие и с каждого обеда оставляли куски — то пирог, то рыбу, то плов, то кашу. И Лида, всякий раз подогревая еду на примусе, наполняла двор запахом гари.

— Ма, можно я к Лидке пойду червей кормить? — оживился Аркашка, учуяв знакомую вонь. — Мне уже лучше!

— Что у вас общего с этой мишигинской женщиной, не могу взять в толк, — проворчала мать, — иди, только раскладушку сложи с прохода, пока мы все тут ноги не переломали... И сними с примуса ее кастрюлю, если она еще жива...

Уже через пять минут Аркашка был во дворе своей школы под тутовниками, высаженными в ряд по периметру забора. Подпрыгнув, он подцепил нижнюю ветку и начал обрывать листья, погружая их в край рубашки, завернутой на животе. К Лиде прибежал вспотевшим, радостным, забывшим про голову и кошмарные ночные видения.

— Аргаша пришел... — заулыбалась рыхлая Лида, впуская соседа в комнату, — ягоды принес?

— Лид, ягоды в августе закончились, каждый раз тебе говорю, — Аркашка деловито прошел в угол, где на сундуке стояли три коробки из-под обуви, в которых на зеленой подстилке из листьев разной свежести копошились серовато-блестящие червяки тутового шелкопряда. Они с Лидой сели на пол, Аркашка аккуратно разложил по коробкам сорванные листья.

¹ Мишигине — сумасшедшая (*идиш*).

— Уууу, мои кецелы², — засмеялась Лида, вороша червяков белыми пальцами с розовыми прозрачными ногтями. Одного из них, самого жирного с серыми бородавками на тельце, она поднесла к пухлым губам.

— Глааденький, нееежный такой! — и протянула его Аркашке.

Он аккуратно двумя пальцами принял шелкопряда из ее рук и тоже поднес к губам.

— Ага, пахнет шелковицей, — блаженно произнес Аркашка, — назовем его Мусей.

— Муузяаа! — попробовала на вкус это имя Лида и снова задрала верхнюю губу в лошадином смехе.

Мусю опустили на свежий лист, он деловито прикрепился задним своим концом к поверхности и изогнулся подковой.

— Сейчас начнется, — произнес Аркашка, и они замерли, словно перед титрами трофейного фильма в городском кинотеатре.

Шелкопряд вгрызся в край листа и методично, с точностью ювелира, начал обкусывать зеленую плоть, оставляя за собой волнистую дугообразную линию.

— Кушает, — с замиранием сердца произнесла Лида.

— Хрумкает, — подтвердил Аркашка.

Они соединились лбами над коробкой шелкопрядов, и Аркашке в нос ударил Лидкин запах — странный, чуть сладкий, чуть соленый, животный, не приятный, но и не противный. Запах исходил от ее груди, подмышек и вечно влажных кипенно-белых ладошек. Они уже два года вместе выращивали шелкопрядов, наблюдали, сидя голова к голове, весь цикл их земного существования, и когда червяки, впад в нирвану, наматывали вокруг себя космический кокон, относили их на фабрику и получали вознаграждение. Как эти деньги делились между Лидкой и мамой, Аркашка наверняка не знал. Возможно, мама брала их себе и покупала Мишигине новое платье или кастрюлю, потому что Лидка точно бы постирала их в тазу или отдала в окно подросткам за кружку пива. В любом случае поход на фабрику был для нее событием, и она долго потом вспоминала и рассказывала всем, как «вот этими ручками заработала себе копеечку».

— Скоро оденутся мои хорошие в белые одежды, получим денежку, куплю себе новое платье и выйду замуж за принца! — раз мечталась Лидка.

— А принц-то есть у тебя? — спросил Аркашка.

— Есть. Он мне колечко подарит, на море увезет. И убьет драгона.

— Сама придумала?

— Он сказал. Он умный. Добрый. Я верю ему.

— Когда же ты с ним познакомишься успела?

— Не разгажешь никому?

— зуб даю. Никто ничего не узнает, — Аркашка нетерпеливо дернул Лиду за юбку.

— Он ходит ко мне в окно ночью, — прошептала она на ухо, — и носит мороженое.

Он любит меня.

Аркашка замер на месте. Он сидел некоторое время, пытаясь понять, зачем ему эта информация, и как на нее реагировать. Тишина вокруг была такой всеобъемлющей, что слышалось, как Муся и ему подобные поглощают листья тутовника.

— Я пойду, — не выдержав погружения в тайну, произнес Аркашка, — мама сказала, надо выключить примус, кастрюля горит.

Во дворе, образовав большой неровный круг, уже собрались пацаны всех возрастов и мастей. Увидев их, Аркашка моментально забыл, о чем говорила ему Лида.

— Давай в лянг³, второй тур уже, — крикнул ему маленький коротконогий Мишка, — по копейке сегодня!

² Кецелы — котятки, хорошенькие (*идиши*).

³ Лянга — игра с использованием «лянги» — волана из шерсти на свинцовой пуговице.

В середине круга восьмиклассник Леха Палый подбрасывал внутренней стороной стопы шерстяной диск с утяжелителем под ровный счет ребятни: двадцать три — двадцать четыре — двадцать пять...

Аркашка машинально запустил руку в карман брюк, подхваченных веревкой, и нащупал там три копеечных монетки, перемешанных с горстью семечек. В кармане холщовой куртки всегда лежала наготове его гордость — лянга из кожи лисицы с длинным рыжим мехом, которая планировала в воздухе, как парашют, и вызывала зависть у всего двора. Аркашка лично пришивал островок лисьей кожи, привезенный ему дядей Додиком, к трехсантиметровой свинцовой пуговице. Свинец они с Левкой Фегиным нарезали с кабеля, украденного и спрятанного старшими ребятами в яме под забором. Даже у дворового авторитета Лехи Палого не было такой шикарной лянги. Его собственная — из шерсти верблюда — смотрелась рядом с Аркашкиной лисьей как вышедший на волю рваный зэк в сравнении с женой зажиточного мясника.

— Давай, умник, люры⁴ пошли, не подведи! — крикнул маленький Мишка.

Аркашка, слышавший во дворе «умником», вышел на середину круга, подкинул лянгу и в прыжке из-под бедра начал отбивать ее тыльной стороной ноги. Паря в воздухе, словно семя одуванчика, меховая шайба всякий раз приземлялась точно на Аркашкину прыткую лодыжку.

— Скачет, как обезьянка, — сплюнул Леха Палый, — умный, а верткий!

В толпе показалась веснушчатая морда Левки Фегина. Он при хрупком телосложении не обладал прыгучестью и меткостью, а потому всегда появлялся к концу игры и драл горло за победителя.

— Ар-ка-ша, Ар-ка-ша, — скандировал Левка под общий вой и улюлюканье, пока его друг отдувался в кругу на тридцать шестом прыжке.

Мокрый Аркашка получил свои три копейки и отошел в сторонку, ведомый под локоть Левкой Фегиним.

— Завтра утопленника хоронят в десять, — сообщил Фегин.

Казалось, все информационные потоки Ташкента имели точку пересечения в Левкиной голове. Он с точностью, которой позавидовал бы милицейский оперштаб, знал где, что и во сколько.

— А школа? — Аркашка манжетой рубашки вытирал струйки пота на лбу.

— Уйдем на второй перемене, пропустим русский, потом вернемся.

— Русичка маме нажалуется.

— Скажем, что у тебя заболел живот, а я тебя до дома провожал. А потом разболел, и мы обратно пришли.

На следующий день, оставив портфели в подвальной воздуховоде школы, они влились в жидкие ряды провожающих покойника в последний путь. Процессия двигалась по дороге вдоль длинного арыка к катафалку, стоящему возле площади Кафанова. Люди шли тихо, лишь изредка воздух резали отчаянные всхлипы матери. Пацаны протиснулись сквозь толпу и вынырнули рядом с гробом. Аркашка, как всегда пытаясь зажмурить глаза, раскрыл их еще шире. Волчий азарт познания был выше желания забиться в глухую нору и ничего не видеть. Покойник выглядел ухоженным, чистым, с такой же, как и в первый раз, горькой ухмылкой на лице, фрагментом желтых зубов в просвете приоткрытого рта и небольшим выбитым крестом на шее, позади левого уха. Аркашка заметил этот знак еще в общественном туалете, а потому вытянул указательный палец.

— Видел? — шепнул он на ухо Левке.

— Ага, значит, принимает свою судьбу, — ответил Фегин, с ловкостью гадалки интерпретирующий любую тюремную наколку.

⁴ Люра — один из способов удара по лянге.

Перед ними две женщины в черном тихо переговаривались.

— Кто-то мощный его утопил, высокий, с огромной силой, думают на Дикого, авторитета, — сказала одна скорбно.

— Так Дикий сидит! — вскинулась вторая.

— Ага, сбежал, как и все другие во время землетрясения!

— Жди беды теперь...

Аркашка вздрогнул. Он знал из заголовков газет и разговоров родителей, что в Ашхабаде подземным толчком разрушило тюрьму и весь бандитский сброд рассредоточился по ближайшим городам и весям.

— И Равиля нашего затаскали по допросам, — добавила всезнающая.

— А Равиль-то при чем?

— Да видели его выходящим из туалета ночью. А наутро там труп и нашли. Говорят, потом нож из дерьма выловили, которым его в бок-то пырнули — классическая Равилева заточка.

Аркашка с Левкой переглянулись, обменявшись молниями ужаса в глазах.

Равиль был их кумиром: громадный хмурый точильщик ножей с мускулистыми руками и выпуклыми желтыми ногтями на волосатых пальцах. Аркашка с отцом нередко приходили к нему в самый дальний угол рынка и приносили пару-тройку кухонных ножей и бритв. Равиль брал их из папиных рук с видом рыцаря в процессе обряда посвящения. Сначала в лезвие бритвы вгрызался серый точильный круг, наполняя рынок визгом падающего истребителя, затем Равиль на ленте из замши с обеих сторон доводил клинок до кристального совершенства. В конце обязательно был ритуал, которого Аркашка всякий раз ждал и всякий же раз цепенел от жуткого восторга. Равиль резким движением вырывал с головы отца темно-русый волос и, артистично подняв руку, разжимал два пальца, как фокусник в цирке. Волос пером жар-птицы описывал небольшие круги, медленно парил, качаясь вправо и влево, затем касался бритвы и, рассеченный надвое, падал на край станка.

— Bravo, Равиль, вот это работа! — восхищался папа, доставая деньги.

Мама, правда, недели две после заточки резала пальцы на кухне, ругалась и потихоньку елозила ножом о край стола, чтобы притупить лезвие.

— Равиль же в моем дворе живет! Такой здоровяк, как он, запросто мог бы затолкать в дырку сортира взрослого человека, — голос Фегина вывел Аркашку из оцепенения.

— Все, тикаем отсюда, — прошипел он, ткнув Левку под лопатку.

Они пригнулись, лавируя между коленями скорбящих, как мелкие рыбешки в косяке ставриды, и всплыли в конце процессии. Аркашка наткнулся на мужика в черном пиджаке и поднял обезумевшие глаза. Перед ним был сосед Гриша, замыкавший с двумя милиционерами печальное шествие.

— А ты что здесь делаешь, малой? — опешил он.

Аркашкина кожа опять покрылась инеем, по спине рисунком треснувшего льда прошелся удар тока.

— Я... это... мне на русский надо, — пролепетал он и дернулся влево, спотыкаясь и догоняя скачущего саранчой Левку.

После школы они гуляли в вязком молчании. Порывистый ветер метал взад-вперед чернявый чубчик Фегина под пыльной вышитой тюбетейкой, Аркашкин миллиметровый ежик, каждые две недели бритый машинкой, был незыблем, как бронзовый бюст Чернышевского.

— Жаль, что у покойника глаза закрыты, — пнул сухую ветку Левка.

— Почему?

— Знаешь, как раскрыли убийство мужика, что лежал неделю назад возле арыка?

— Ну?

— В его зрачках отразилось лицо убийцы!

— Да ладно!— Аркашка понял, что ему обеспечены еще две бессонные ночи с ужасными фантазиями на тему фотографических свойств роговицы глаза.

— Нам тоже нужно поменьше совать свой нос в такие дела, — продолжил Фегин, без облупленного носа которого не обходилось ни одно районное происшествие. — Знаешь, что делают уголовники с теми, кто оказался свидетелем?

— Убивают? — Аркашка в ужасе заморгал огромными ресницами, которые не позволяли ему плотно закрыть глаза даже во время сна.

— Нет! Хлещут ножом вот так, чтобы человек ослеп! — и Левка полоснул палкой на уровне зрачков. — Особенно это тебя касается: растопыришь зенки — утопнуть можно!

Аркашка в который раз пожалел, что родился таким уродом. Фегин с его узбекскими, завернутыми вовнутрь черными глазками казался ему верхом природной эволюции, направленной на защиту человека от криминальных поползновений. В Аркашкиных бездонных морских глазищах действительно тонули все — от учениц соседней девчачьей школы до маминых сестер и подружек: «Какие глаза, Бэлла, сапфиры в огранке из черных бриллиантов!»

Теперь Аркашка зажмурил свои сапфиры, представляя, как заточенный Равилем клинок рассекает вдоль его небесные радужки. Воображаемый мир залился кровью, он закрыл голову руками и замотал головой. Его ум был истощен и измучен. От Левкиных бредней тошнило, хотелось быстрее сесть за математику и уйти с головой в логичную последовательность действий, которая припорашивала воспаленный мозг, как первый снег вонючую грязь.

В ближайшие дни Аркашка чувствовал себя скомканной газетой. Тревога заполнила все его тело, растекаясь по мельчайшим капиллярам от кончиков пальцев до кончиков ушей. Он ходил по улицам с прищуренными глазами, исподлобья рассматривая фигуры крупных незнакомых мужчин. В каждом виделся убийца или сообщник. Аркашкина душа устала от страха и стремилась расслабиться дома рядом с папой или дядей Додиком, но ноги зачем-то несли его вместе с Левкой на городские задворки, в промышленные зоны с унылыми бетонными заборами, индустриальными свалками и огромными пустырями, идеальными для совершения кровавых преступлений. Фегин травил Аркашку жуткими историями, нагнетал, провоцировал, строил безумные гипотезы и тут же находил им подтверждение в виде дохлой собаки или доски с ржавыми гвоздями, облитой красной краской. С его подачи они стали следить за Равилем, который стал куда более хмурым, и зачем-то еще раз обследовали рыночный туалет. Дождавшись закрытия рынка, они юркнули внутрь и начали просвечивать фонариком все дыры.

— Мы должны найти улики, ускользнувшие от следствия, — скомандовал Левка, и когда друг наклонился над очередным отверстием, резко гаркнул над его ухом.

Аркашка вздрогнул, потерял равновесие и упал перед дырой на локти, измазав школьную рубашку.

— Дурак ты! — сорвался он на Фегина. — Я больше не играю в сыщиков. И вообще, мне надо к контрольной готовиться.

— Давай-давай, умник! Только помни, мы много знаем, за нами следят! — припугнул Левка.

Во дворе было темно и пусто. Пахло первыми подсохшими листьями и канифолью. Аркашка обожал этот запах, исходящий из Гришиного горящего окна, и по привычке постучал по стеклу:

— Дядь Гриш, я зайду?

— Давай, — донеслось изнутри, и он кинулся в подъезд.

Гриша был известным радиолюбителем и все время что-то лудил в своей комнате. Пацаны прозвали его «Паяльником». Аркашка, прикрыв за собой дверь, сел рядом с ним на табуретку и замер от удовольствия. Раскаленным медным жалом того самого паяльника Гриша плавил кусочек янтарной канифоли.

— Подай резистор, — скомандовал он.

Аркашка, распираемый гордостью, подцепил пинцетом черный сантиметровый цилиндрок из картонной коробки и положил на металлическую подставку, где происходило главное действие. Гриша набрал на кончик серебристый сплав олова, быстро окунул в канифоль и ловко соединил между собой волоски проводов. Аркашка блаженно втянул пары податливой канифольной смолы. Облаком Алладиновой лампы они поднимались к потолку, выползали из дверных щелей в коридор и через окно вырывались во двор. В комнате Гриши этим запахом было пропитано все, да и сам хозяин ходил насквозь пропахший канифолью, выдавая себя на расстоянии, где бы он ни появлялся.

— Что ты делал на похоронах? — строго спросил Гриша.

— Да ничего, — ответил Аркашка, — просто мы с Левкой ведем свое расследование.

— И что же вы расследовали?

— Какой-то огромный мужик его порешил, типа сбежавшего Дикого или Равиля-заточника, — сумничал Аркашка, — вы маме только не говорите, что я школу прогулял.

— Ты бы не совался, куда не следовало, детектив, а то уши твои оторвут вместе с головой, — Гриша криво усмехнулся.

— Но вы же меня защитите, дядь Гриш?

— Защищу... если успею, — он опустил голову и набрал на жало паяльника еще немного припоя.

Глядя на крупные кисти радиогения, Аркашка с облегчением выдохнул. За Гришиными мощными плечами он чувствовал себя как за каменной стеной.

Часть 2. Эля

Предпраздничная возня наполняла квартиру радостью, жильцы суетились, носились с кастрюлями и чанами, в воздухе пахло едой: к отцу вот-вот должен был приехать брат с семьей. Встреча была долгожданной — они не виделись с фронта, после войны семью раскидало по разным республикам, а потому приглашались гости, обсуждалось меню и готовился пестрый стол. Аркашка постоянно попадался под ноги взрослым, об него спотыкались, чертыхались, давали пинка и посылали во двор. Но это его не смущало. Он делал все, чтобы не встречаться с Левкой и отдохнуть от маниакальных идей. В классе, правда, пришлось увидеться с Фегиным и вытерпеть презрительную насмешку:

— Пока ты будешь набивать себе живот, я продолжу дело. Посмотрю, кто ходит к Равилю точить ножи. Послежу за его домом.

Аркашка обрадовался, что следствие обойдется без него, и с головой окунулся в праздничную канитель своей квартиры. Папин брат Борис вместе с женой Груней и дочкой Элей приехали в субботу рано утром. Аркашка уже сложил свою раскладушку, почистил зубы и собирался уходить в школу, как в комнату ввалились эти трое под радостные возгласы мамы и папы. Взрослые, бросившись друг другу на шею, громко чмокались вытянутыми губами, крест-накрест обнимались, хлопали растопыренными ладонями по спинам, пытались заграбастать в кучу детей, но Аркашка с Элей выпадали из общего месива и волчками смотрели друг на друга. Из комнат в коридор вышли соседи, восторженные крики стали гуще, объятия шире, радость ярче и звонче.

— Мама все время говорит, что ты очень умный. Поэтому я тебя ненавижу, — Эля хмыкнула и хрупкой рукой поправила черные вьющиеся волосы.

— Не такой уж я и умный, — обиделся Аркашка, — да и ты мне совсем не нравишься. Я вообще девчонок на дух не переношу.

После школы за общим столом их, как назло, посадили рядом. На скамье, сооруженной из длинной доски на двух ящиках, было так тесно, что нога Аркашки касалась Элиного худого бедра. Оба фыркнули и старались смотреть в разные стороны, но входящие один за другим гости прижимали их друг к другу еще ближе. Взрослые громко смеялись, чокались, говорили длинные тосты, из радиоприемника, принесенного Гришей, рвалась бравурная музыка. Аркашка набросился на плов и с удовольствием разглядывал гостей. Борис тоже был военным, он казался копией папы, но в каком-то более богатом, буржуазном исполнении. Темная шевелюра его была пышнее, фигура крепче, зубы ровнее, и, улыбаясь, он походил на звезду зарубежных фильмов. Груня — женщина с медной копной волос — все время прижималась к его плечу и освещала мужа нимбом безусловной любви. Оба излучали благодать и радушие, в отличие от дочки, которая своей неприязнью и острым бедром, как занозой, колола Аркашкино самолюбие.

— Кто это? Она что, чокнутая? — шепнула вдруг Эля в Аркашкино ухо, кивая головой в сторону Лидки.

Мишигине белым пальцем мешала в тарелке остатки еды, бормотала себе под нос и смеялась невпопад, задирая верхнюю губу.

— Она немного того, но добрая и хорошая, — ответил Аркашка, — мы с ней шелкопряда выращиваем.

— А кто из этих ее муж? — Эля метнула взгляд на Лидкиных соседей по столу.

— Да ты сдурела, что ли! — вскинулся Аркашка. — Справа дядя Гриша, вместе с папой работает. У него в войну ногу чуть не оторвало, а еще он мастер в радиоделе. Мировой мужик, мой герой. Он таких женщин в кино водит, вообще глаз не оторвать! А слева дядя Додик — военный врач. У него жена год назад умерла, ему никто не нужен.

— А что это один ей все время еду в тарелку подкладывает, а другой постоянно рот полотенцем вытирает? — Эля хитро прищурилась.

— Дура ты! За Лидкой все присматривают. Вот и мама ей хумусом лепешку мажет, и папа хурму чистит. Потому что она сама вся перепачкается. За ней глаз да глаз нужен.

— Знаешь что? Это ты дурак! Оба твои дяди по-особенному на нее смотрят, не как все, понял! Ты, наверное, только и умеешь, что червяков выращивать, — поддела Эля, — а наблюдательности — ноль!

— У меня наблюдательности ноль? — Аркашка вскипел от негодования. — Да мы с другом, если хочешь знать, настоящее убийство расследуем!

Эля изменилась в лице, словно внутри щелкнули переключателем. Ее пренебрежительность превратилась в крайнее любопытство и уважение.

— Изложи факты! — скомандовала она, будто вызвала на ковер подчиненного опера.

— Ну, не здесь же... — Аркашка оторопел от ее решительности, просчитывая, что скажет Фегин о посвящении в тайну малознакомой девчонки.

— Срочно уходим, — Эля попыталась встать из-за стола, но только качнулась взад-вперед в плотном окружении соседей.

— Ныррем под стол, — Аркашка дернул ее за руку, и они сползли вниз, оказавшись в буреломе разнополых, разнокалиберных ног.

Пробираясь пришлось на четвереньках по шершавому, давно не крашенному полу мимо потертых голубых туфелек мамы, шикарных, с блестящими пряжками, босоножек тети Груни, шеголеватых лаковых ботинок ее мужа Бориса, шестерых военных сапог папы с дядей Гришей и дядей Додиком и тканевых открытых тапочек Лидки, из которых во все стороны торчали зефирные пальцы с отколотыми по краям розовы-

ми ногтями. На таком же сливочном ее колене лежала крупная мужская рука. Впереди замаячил небольшой просвет, который сулил освобождение. Аркашка с Элей протиснулись сквозь него и ползком же, не привлекая к себе внимания, покинули комнату. Пока двоюродная сестра вынимала занозы из коленок под светом фонаря во дворе, Аркашка в красках описал суть дела.

— Так себе разработочка, — наконец сказала Эля, — зачем нужно было ходить по пустырям и сочинять сказки? Только время потеряли.

— Ну, а ты бы что сделала?

— Во-первых, нужно иметь доступ к данным следствия. Подружиться с опером, который ведет дело, его женой или детьми. Понять, какие у них улики, кроме этого ножа. Во-вторых, выяснить, есть ли еще подозреваемые и какие у них мотивы. Вот какой мотив у Равиля?

— Ну ты даешь! — восхитился Аркашка. — Кто ж его знает, какой мотив? Да и вообще, мы играем, понимаешь? Ну, как бы понарошку.

— Так и не надо было заливать: мы расследуем, мы расследуем! — Эля опять презрительно сморщила нос.

Аркашка сдулся. Ему хотелось продолжать быть интересным в глазах Эли, но крыть было нечем.

— Кто из твоих знакомых причастен к милицейским кругам? — опять строго спросила она.

— Да никто. Ну, Лешка Палый — племянник районного старлея. Но он такой козырный, знаешь, малявок, типа меня, к себе не подпускает. Мы только в лягу вместе играем. Да и потом, так опера и рассказали своим родственникам, что у них там творится. Они же не дураки.

— Прежде чем что-то отрицать, нужно это проверить. Короче, завтра собираем данные с Левки Фегина и Лешки Палого!

Аркашка был потрясен. Такой холодной логики и уверенности в себе он не встречал даже у пацанов. Разгадка преступления стала походить на интересную математическую задачу. В ней не было а-ля фегинских страшилок, только данные — известные и те, которые требовалось найти.

Часть 3. Слежка

Застолье начало угасать только к полуночи — долго мыли посуду, долго стелили гостям. Борису с Груней и Элей накидали матрасов на пол и отгородили импровизированной занавеской. Раскладушка уже не помещалась в комнате, потому ее выставили в общий коридор. У Аркашки слипались глаза, он взял отцовский бушлат, укутался и мгновенно уснул, не чувствуя, как через него переступают и спотыкаются соседи, шарахаясь из комнат в туалет и обратно. Наконец наступила тишина. В Аркашкин сон врывается храп всех тональностей и жанров: от привычного отцовского рокота до незнакомого густого бульканья, посвистывания и визга, напоминавшего звук Равилевой заточной машины. Отдельные трели заставляли вздрагивать, переворачиваться с боку на бок, но тягучий сон снова засасывал в свою трясиину, предлагая к созерцанию какую-то бредовую реальность в виде измазанной Элиной головы, плывущей вдоль арыка под бравурную музыку из радиодинамиков.

— Аркаш, проснись, есть дело! — вдруг открыла рот эта голова и положила свой ледяной язык ему на плечо. Плечо начало индеветь и отмирать, синея и страшным образом откалываясь от всего тела.

— Ну, проснись же, наконец!

Аркашка вздрогнул и открыл глаза, продолжая видеть Элино лицо, которое морщило нос и сверкало зрачками.

— Там кто-то ходит во дворе и стучится в соседнее окно! — напирало лицо.

Аркашка наконец пришел в себя, осознавая, что Эля сорвала с него бушлат и холодной ладошкой трясет за руку. В коридоре была крошечная тьма, рассеченная тонкой полоской света из приоткрытой входной двери квартиры.

— Ты — дура? — спросонок ответил он. — Ну, кто-то вышел покурить, и что?

— А зачем стучится в окно?

Аркашка окончательно проснулся. Из Лидкиной комнаты доносились обрывки разговора.

— Иди к третьей двери, а я тихонько выйду во двор, — скомандовал он, опустил ноги в тапочки и набросил бушлат.

Эля на цыпочках приблизилась к запертой изнутри Лидкиной двери. Аркашка выскользнул из подъезда и прошел вдоль дома к ее распахнутому настежь окну. Оттуда слышались тихий мужской шепот и сдавленные крики Лидки, будто ее рот кто-то зажимал ладонью. Хриплый голос в чем-то ее убеждал и, казалось, принуждал к каким-то действиям. Аркашка стоял как вкопанный минут пятнадцать, слушая скрип панцирной кровати и невнятные горловые звуки. Потом все затихло, и Лидкин посетитель покинул комнату через дверь. Аркашка испугался, что сейчас незнакомец выйдет из подъезда, и вжался спиной в стену. Но прошло время, а из дома так никто и не вышел.

— Ну, что ты видела? — терзаемый любопытством накинулся он на Элю, когда они вновь встретились в коридоре.

— Ничего, — расстроено сказала она, — когда я поняла, что он направляется к двери на выход, я бросилась на раскладушку и накрылась простыней. Я только слышала, что он перешагнул через меня и зашел в какую-то из этих комнат.

— В комнату или в эту дверь? — уточнил Аркашка. — Вот здесь, справа есть еще сквозной выход во двор, минуя подъезд. Но он обычно заколочен.

Он подошел к запасной двери и слегка дотронулся до ручки. Дверь легко качнулась, прорезая коридор еще одной полоской света.

— Либо это кто-то из своих, либо кто-то чужой, — констатировала Эля.

— А что ты слышала внутри Лидкиной комнаты?

— Похоже, они занимались этим... ну, чем взрослые занимаются. Но она явно не хотела.

— Мне тоже так показалось. Может, это и был ее принц? — Аркашка покраснел и в трех словах выдал сестре Лидкину тайну.

Эля пожала плечами.

— Ну, я пойду досыпать, — сказала она. — Устала от вас от всех.

Воскресный предутренний сон Замиры Фегиной прервал многократный вой звонка. Накинув пеструю шаль, она подошла к двери и раздраженно спросила:

— Кого тут еще принесло?

— А Левка выйдет? — донесся заискивающий козлиный голосок.

— Он спит еще! Аркашка, ты?

— Я, то есть мы, дело есть очень важное. В школе на выходной задание дали.

Растрепанная Замира начала греметь ключами, ворча себе под нос, но уже без злости и неприятия. Она, как и все, любила Аркашку и даже в неосознанных мечтах хотела его усыновить. Он, синеокий, пушистоглазый, лысоголовый херувим, всегда получал почетные грамоты за учебу, вежливо разговаривал, был опрятен, начищен и облачен в накрахмаленную рубашку. Возникало ощущение, что одежда на нем под воздействием лучезарного света сама по себе свежела и разглаживалась. В то время как ее сын, сколько бы его ни обстирывали, вечно выглядел задрипанным оборванцем. Как и все родители, она приводила Аркашку в пример родному отпрыску. Как и все дети,

которых попрекали Аркашкиной святостью, Левка временами его ненавидел. Особенно бесили Фегина-младшего разговоры об опрятности Аркашки. Ведь кому как не Левке было известно, какой ценой она доставалась: перед тем, как лазить по помойкам и кустам, Аркашка снимал одежду, аккуратно складывал ее в укромное место, а сам в трусах и майке возился в грязи до состояния лысого черта. Перед возвращением домой он кое-как мылся в полном пиявок арыке, одевался и вновь чудесным образом превращался в божьего ягненка, если не замечать скомканные склизкие трусы и рваную майку, торчащие из карманов его штанов. Но нужно отдать должное — нижнее белье Аркашка стирал сам, намыливая по ночам в раковине и раскладывая под матрасом. Возможно, от того, что к утру ничего не просыхало, он часто простужался и болел воспалением легких.

Замира пригласила детей за стол и пошла будить сына. Левка вышел в синих линялых трусах и вытаращился на Элю.

— Это моя сестра, она дочка прокурора, — соврал Аркашка, — теперь мы вместе будем вести расследование.

— Доложите, как прошла слежка за Равилем, — приказала Эля.

Левка, хлебнувший в это время кумыс из запотевшей бутылки, поперхнулся и устался на Аркашку.

— Ей можно доверять, — подтвердил друг.

— Да никак не прошла, — проблеял Фегин, кусая лепешку, — во второй половине дня к нему приходили три старухи и одна тетка, приносили ножи и ножницы.

— А потом? — держала допрос Эля.

— А потом, как рынок закрылся, он пошел домой.

— Дальше!

— Я за ним. Было уже темно. Он повернул к старой котельной, ну, той, которая возле речки Саларки, разрушенная такая, Аркашка знает.

— И...

— Там ждал его какой-то мужик.

— Ну?

— Ну, убежал я. Чё стоять-то. Ничё не слышно, ничё не видно.

— Пахдан⁵, — брезгливо сказала она. — А мужика-то узнал?

— Неа, поп какой-то. В длинной одежде.

— Поп? Да ты, мусульманин, попов-то откуда видел? — усмехнулась Эля.

— Залез в собор, этот, Успенский, однажды, — Левка понизил голос. — Только матери не говорите.

Все трое переглянулись. Эля отковыряла от лепешки маленький кусочек и начала нервно катать его по столу.

— За Равилем нужно каждый вечер следить, — подытожила она.

— С меня хватит, — отрезал Фегин, — я и так чуть в штаны не наложил.

— Значит, мы с Аркашкой вдвоем пойдем, — Эля, как шпагой, пронзила взглядом своего синеокого брата.

Аркашка затих. Они шагали от Фегина в собственный двор, и он проклинал себя за бахвальство перед этой неумной девчонкой. Ему совсем не хотелось следить вечером за Равилем, а старая котельная возле ледяной речки Саларки, бурное течение которой сбивало с ног даже взрослых, и без того рождала в нем мистический ужас. Во дворе на лавочке гоголем сидел Леша Палый, харкался на пыльный бетон и травил байки. Вокруг него, заглядывая в рот, толпились пацаны всех возрастов и мастей.

— Ну, ладно, ты иди, — сказал Аркашка сестре, — здесь мужская компания.

⁵ Пахдан — трус (*иврит*).

— Кто этот прыщавый в центре? — не смущаясь, спросила Эля.

— Палый это и есть. Племянник старлея.

Эля резко повернула к пацанам и села на край лавки. Аркашка, стыдясь родства, присел с другой стороны.

— Ой, какая цаца! — обернулся к ней Палый. — Ты не заблудилась?

Пацаны загоготали, брызгая во все стороны ядовитой слюной.

— А что говорит твой дядя? Кто утопил мужика в туалете? — Эля была похожа на бесстрашного сурка перед толпой гиен.

— А ты, вообще, кто? — Леха сплюнул, угодив кому-то на ботинок.

— Побереги слюну, рот пересохнет, — Эля не отводила глаз. — Я дочь прокурора Душанбе. Если бы у нас в городе такое случилось, все бы уже через два дня знали убийцу в лицо!

Леха сглотнул слюну и поперхнулся.

— Может, Равиль его убил? — напирала она.

— Дура, что ли? Равиль — свидетель. Да он ничего и не видел. Неделю его допрашивали.

— У нас в городе Равиля держали бы за стенкой, — продолжала бесстрашно блефовать Эля, — а потом бы выпустили в качестве приманки, чтобы настоящий убийца попытался с ним встретиться и выдал себя. У вас что, уголовный розыск только в носу ковырять умеет?

Толпа мальчишек оцепенела. Аркашка встал и гордо подошел к Эле.

— У нее отец — прокурор, понятно? — он тоже сплюнул сквозь зубы, попав себе на штаны. — Пошли, Элька, у нас дел по горло.

После выходного в классе Левка Фегин дернул Аркашку за рукав и прилип к его уху.

— Слыхал, Равиля сажают, хотят заставить преступника волноваться.

Аркашка впал в ступор. Он не мог понять, это Элина фраза обросла новыми подробностями, или дядька Палого, услышав глас народа, принял жесткие меры. После уроков они с Левкой рванули на рынок. Равиль по-прежнему точил ножи, на сей раз дяде Додику. Врач огромной ладонью проверял клинок и одобрительно цокал.

— А что, твой Додик полевым хирургом был? — прошептал Фегин.

— Ну, да вроде.

— А как он таким кулачищем нитку в иголку вставлял да людей зашивал?

Аркашка зажмурился. Он понял, что отныне обречен подозревать даже самых близких ему людей. Успокаивало только одно: его отец Ефим был низеньким, прыгучим, с маленькими, цепкими пальчиками, которыми он ласково трепал сыновью лысину или ловко давал подзатыльник.

Рынок гудел. Продавицы косились на Равиля, недоумевая, почему он до сих пор на свободе.

— Он видел убийцу, видел, кто выходил из туалета! — шептали они. — Почему его отпустили? Он с преступником заодно!

Аркашка чувствовал себя поверенным главнокомандующего, источником, рождающим свет, ключом, пробивающим камни живительной водой. За ужином дома они сидели с сестрой на одном стуле и многозначительно шептались. Борис, отец Эли, улыбнулся, обращаясь к взрослым:

— Элька впервые нашла себе друга. Она у нас бука. Зачитывается детективами, Ко-нан Дойль, Жордж Сименон, мечтает стать начальником московского МУРа.

— С такой худобой и выворотностью стоп ей нужно идти в балет, — засмеялась Бэлла Абрамовна.

— Что эта выворотность стоп в сравнении с выворотностью ее мозга, — парировала Груня, — она даже по поводу дохлой кошки в нашем дворе начинает расследование.

Дети хихикали и щипали друг друга за тощие коленки.

— А пошли, я тебя с Мишигине познакомлю! — предложил Аркашка.

Они ворвались в комнату к вечно радостной Лидке и уселись вокруг коробок с чавкающим шелкопрядом.

— Фу, какая гадость, — сказала Эля, испытывая брезгливость от близости белосахарной полуголой женщины и серебристых червей, пожирающих тутовник.

— Ты что? — Аркашка замер, погружаясь в блаженный мир. — Смотри, как красиво наш король Муся режет листья, прямо виньетками, завитушками.

— Виньедгами, — загоготала Лида, — гразиво!

Эле представился разворот детектива Яна Флеминга с виньетками из бородавчатых червей и обглоданных ими побегов.

— Да вы тут оба мишигине! — воскликнула она, и все трое взорвались неудержимым смехом.

— Я коробку с Музей на самый верх шкафа поставлю, — утирая счастливые слезы, сказала Лидка, — поближе к окошку. Мы с ним вместе будем ждать принца.

— Какого еще принца? — Эля притворилась, что не знает секрета.

— Гразивого, — Лидка закатила глаза, — зильного. Он придет и заберет меня.

— Правда? И ты ему веришь? — усмехнулась Эля.

— Верю! У него грезд на шее, а значит, он всегда говорит правду. С грездом можно только правду говорить, только правду, понятно?

Часть 4. Мотив

Эля с родителями готовилась к отъезду. Наутро они должны были отправиться на вокзал, отец Аркашки собирался их провожать.

— Наверное, мы никогда не увидимся, — грустно сказала Эля.

— Почему? — Аркашке тоже не хотелось расставаться.

— Папу отправят на Север, а оттуда до Ташкента не добраться ни в жизнь. Давай сходим ночью к старой котельной?

— Зачем?

— Вдруг Равиль снова туда пойдет?

— По математическим законам это один шанс из трехсот, — подсчитал Аркашка.

— По законам интуиции именно сегодня это и должно произойти. Тем более когда я уеду, вы с Левкой уж точно засыте туда ходить.

Аркашке не хотелось прослыть трусом напоследок. Они расстелили вечером раскладушку около двери, легли вместе и, дожидаясь, пока послышится храп родителей, сами задремали. В сон ворвался какой-то неровный стук сапог с улицы, Аркашка перевернулся на бок, поднял несмыкающиеся ресницы и взглянул в Элино лицо. Решимость даже во время крепкого сна не покидала ее черты. Он облегченно вздохнул, ему не хотелось никаких подвигов. Дремота снова обняла его своими мохнатыми лапами, он провалился в небытие и даже успел посмотреть обрывок нелепого сновидения, как вдруг кто-то постучал в окно. Аркашка вскочил на раскладушке, она прогнулась и за скрипела. Эля, как вспугнутая бабочка, распахнула глаза. Аркашке показалось, что от этого пространство комнаты прострелило сквозняком. Стук в окно стал истерично-назойливым. Он накрылся простыней и босиком подошел к подоконнику. Дворовый фонарь освещал перекошенное лицо Фегина, который что-то кричал и махал руками.

— Пошли, — скомандовал Аркашка, — Левка пришел.

Они с Элей бесшумно оделись, перелезли через раскладушку и, подперев дверь отцовской майкой, чтобы не скрипела, вышли во двор. Левка дрожал, стуча зубами.

— Я в окно увидел, как Равиль выходит из дома, побежал за ним, он снова направился к котельной, а я сразу к вам! — захлебываясь, протараторил Фегин.

— Да ты смельчак, оказывается! — восхитилась Эля.

Левка просиял. Ради ее одобрения он все эти дни душил в себе животный страх.

— Бежим! — и они ринулись к речке Саларке.

Руины котельной из красного кирпича напоминали средневековый замок. Днем она отражалась в дрожащей воде, будто позировала великому художнику, а ночью под мусульманским полумесяцем казалась согнутой зловещей старухой в парандже. Ни окон, ни дверей здесь давно не было, лишь крошечной чернотой зияли проемы входов с разных сторон здания. Аркашка с Левкой хорошо знали этот лабиринт. Они часто всем классом играли здесь в прятки или казаков-разбойников. Забежав в один проем, поплутав среди стен, переходов и небольших цехов, можно было выйти на улицу совсем с другого конца. Окрыленный Элиным восхищением Левка пошел вперед, за ним на цыпочках, тихо ступая по битому кирпичу и гравии, крались Аркашка с Элей. В абсолютной тишине несложно было услышать чей-то полусшепот. Троица пошла на звук и замерла за обвалившейся стеной большого помещения с гигантским паровым котлом. Внутри разговаривали двое мужчин, один напирал, другой оправдывался. Сквозь большие пробоины в кирпичной кладке можно было различить фигуры исполинов, одним из которых был явно Равиль в своей привычной куртке и кепке, а другой оказался облаченным в длинный балахон.

— Да говорю тебе, никто меня никуда не собирается упекать, я на допросах все уже рассказал: ничего не видел, ничего не слышал. Когда заходил в туалет, никакого трупа не было. Они мне поверили, отпустили, — испуганно шептал Равиль.

— Почему весь район жужжит, что тебя снова дернут и начнут колотить? — давил мужик в балахоне.

— А я почему знаю? Даже и дернут, ничего от меня не услышат. Не видел я тебя в ту ночь. Точка.

Разговор, по-видимому, был начат давно и уже подходил к финальной фазе. Казалось, о чем-то договорившись, мужчины двинулись к дверному проему в сторону цеха, где стояли дети. Те в ужасе прижались к стене и буквально окаменели. Равиль шел впереди. Мужик в балахоне сзади. «Так вот почему поп!» — ужасная догадка промелькнула в голове Аркашки, когда на расстоянии трех-четырёх метров сбоку, кроша гравий мощными ботинками, прошли переговорщики. От черной фигуры в балахоне оторвался и прорезал ноздри отчетливый запах церковных свечей. Тот запах, к которому Аркашка прикипел с детства, который успокаивал и умиротворял его всякий раз, когда он подходил к родному дому. Это были янтарные пары канифоли, и, сползая по стене, встретившись глазами с Левкой, Аркашка беззвучно произнес губами: «Паяльник!» Фегин закрыл рот руками и втянул голову в плечи. Эля была неподвижна, как нефритовая статуэтка. Внезапно, прежде чем скрыться за проходом в следующее помещение, Паяльник сделал резкое движение, и с коротким хриплым вскриком Равиль рухнул на месте, будто его ноги подсекли ковбойским лассо. Паяльник еще двумя глухими ударами, видимо ножом, проткнул тело Раваля, выдохнул, сел рядом с мертвой тушей и закурил. Красный огонек бесконечно долго мерцал в крошечной темноте, описывая адскую дугу, которая впечаталась в нежную Аркашкину память раскаленной добела подковой. Он ждал, что вот-вот дядя Гриша обернется и кожей почувствует в противоположном углу пустого цеха детское прерывистое дыхание, возведенное смертельным ужасом в геометрическую прогрессию. Но Паяльник не обернулся. Докурив, он встал, с тяжелым кряхтеньем подцепил за ноги Раваля и потащил его по предательски шумному гравии к ближайшему выходу. Спустя пару минут обезумевшая от страха троица услышала мощный всплеск. Тело рыночного заточника торопливо приняла в свои объятия ледяная вода Саларки.

Придя в себя, ни сказав друг другу ни слова, дети рванули в разные стороны. Левка змеей скользнул в ближайшие дворы, Аркашка с Элей галопом понеслись к свое-

му дому. По дороге Аркашка упал, разбив в кровь локти и колени, но не почувствовал боли и поспешил дальше. Рядом с домом Эля остановилась.

— Если он уже вернулся, скажем, что искали клад в дворе.

— Свет в его окне не горит, — прохрипел Аркашка, и они тихо прокрались в свою комнату.

Сонная Бэлла Абрамовна стояла в дверях с полотенцем.

— Вы где были, паршивцы? — не включая свет, гневно прошипела она.

— Мам, мы там, во дворе... ну, мы прощались, слушали чирикал... Давай спать...

Эля пошла за занавеску к родителям и отключилась, только положив ухо на подушку. Аркашка лежал с открытыми глазами и чувствовал, как холод наполняет каждую клетку его тела, затвердевает и рвет в клочья оболочки сосудов и органов. Его трясло, как всегда бывало при растущей температуре, раны на локтях и коленях буквально извергались болью. Невыносимо хотелось писать, но перспектива выйти в общий с убийцей коридор и дойти до туалета ужасала тело и разум. Кое-как он погрузился в сон, в котором несколько раз подходил к унитазу в надежде облегчить мочевой пузырь, но возделенный унитаз исчезал, в уборную набивались какие-то люди, смеялись над ним и тыкали пальцем. От последнего тычка он проснулся и увидел над собой Элю, пахнущую зубной пастой и одетую в нарядное платье.

— Мотив, — прошептала Эля.

— Чтоооо??? — застонал Аркашка.

— Главное, понять мотив его убийств, это тебе не виньетка тутового шелкопряда, — она была спокойна, как всегда, и Аркашке показалось, что все увиденное ночью — его персональный бредовый сон.

— Аааа, — прохрипел он невнятно.

— Когда выяснишь, напиши мне письмо. Я буду ждать. Очень буду ждать.

Часть 5. Полет шелкопряда

Шумные родители Эли уже расцеловались с Аркашкиными отцом и матерью, взяли чемоданы и начали штурм раскладушки, пытаясь переступить через Аркашку, спотыкаясь и толкая его в бока.

— Да проснись уже! — крикнул ему отец. — Убери свою развалюху, люди не могут выйти!

Аркашка поднялся, нащупал тапки и, не обращая ни на кого внимания, болтаясь, как паутина на ветру, побрел к туалету. В коридоре он наткнулся на дядю Додика, который по красным треснутым губам пацана сразу понял, что у того лихорадка и жар.

— Дя-дя До-дик, — стуча зубами, выдавил Аркашка, — мне на-до что-то вам рас-ска-зать.

— Давид, я за тобой умыться! — из дальней комнаты как ни в чем не бывало выглянул Гриша и приветливо помахал огромной пятерней.

Аркашка осекся, юркнул в уборную и трясущимися пальцами долго задвигал за собой шпингалет. Струя лилась бесконечно долго, то стихая, то набирая силу, будто кто-то подкачивал в бездонный резервуар горячую желтую жидкость. До комнаты он дошел, держась за стены, и сразу рухнул в родительскую кровать — раскладушку уже свернули.

— Бэлла, намажь его водой с уксусом, опять горит, — крикнул из коридора дядя Додик.

Аркашка вцепился в мамин рукав и, распахнув безумные глаза, прошептал:

— Если уйдешь на работу, закрой меня на ключ, чтобы никто не мог зайти!!!!

— Боже ж ты мой, опять Фегин тебе ужасов понарасказывал! — вздохнула Бэлла Абрамовна, глядя сына по худому раскаленному плечу.

Аркашка отключился до самого вечера. Перед глазами мелькали математические формулы, тяжелые, горячие, свинцовые, они падали в реку с жутким всплеском и застывали на дне. На их месте возникали новые, начертанные в кромешной темноте горящим огоньком от сигареты. Эля, тонкая, с вывернутыми стопами, танцевала в пуантах на стене краснокирпичной котельной и не падала, словно была невесомой шестилапой мухой. Рядом с ней кружился уменьшенный до размера сверчка Фегин, и она шептала ему на ухо: «Мотив, мотив, мотив...»

Очнулся он от звука льющейся воды и, не открывая глаз, по запаху пахлавывы и привычным голосам понял, что родители пьют в комнате вечерний чай в компании дяди Додика и Гриши. Они обсуждали смерть Равиля, найденного в реке, выдвигали разные версии. Аркашка застонал, и отец поднес стакан чая к его губам.

— Ничего, к утру придет в себя, — окинув его взглядом, сказал дядя Додик, — лихорадка не инфекционная, а психическая. Опять что-то увидел или услышал.

— Ну да, — ответила мать, — они ведь с Элькой ночью где-то шарахались. Вон с разбитыми коленями вернулся, будто гнался от кого-то.

Отец откинул одеяло, показывая всем Аркашкины колени, заботливо промытые мамой и намазанные зеленкой.

— От кого убежал, малой? — хохотнул Гриша.

Его голос был добрым, привычным, так же как и запах канифоли, исходящий от одежды. Аркашка подумал, что все произошедшее — мираж: не было никакой слезки, никакого Равиля, никакой Эли и в помине. После отъезда родственников комната была ухоженной и спокойно вздохнувшей, без лишних шмоток, обуви, чемоданов и возбужденных голосов. Он вдруг тоже выдохнул и облегченно сел на кровати: сознание упорно отбрыкивалось от пережитого.

— Да ни от кого, — сказал он излишне весело. — Мы с Элей клад зарывали во дворе. Чтобы откопать, когда она вернется в следующий раз. Ну, на коленках рыли, ободрался.

— Покажешь клад-то? — подмигнул Гриша.

— Ну, это секрет, вообще-то.

— А что ж у тебя ботинки чистые, не в земле, не в глине? — Гриша кивнул в сторону пары истертых Аркашкиных бот возле кровати.

— Ну, там песок был. В основном.

Гриша, не вставая с табуретки, протянул огромную ногу и поддел носком Аркашкин ботинок с жеваными, распутившимися шнурками. Тот подлетел в воздухе и шлепнулся на пол, оставив облачко пыли. Со звонким щелчком на непрокрашенные доски вывалился крупный осколок гравия. Аркашка задохнулся.

— Песок, говоришь? — зловеще улыбнулся Гриша.

— Да что ты пристал к нему, — перебила Бэлла, — видишь, он не в себе?

Соседи разошлись по комнатам. Аркашка снова впал в ступор. Он хотел было рассказать все отцу, но тот быстро расстелил ему раскладушку и отправил умываться. Когда бледный и качающийся сын вернулся, озираясь по сторонам, родители уже лежали в постели и шепотом ворковали.

Ночь была невыносимой. Аркашка закрыл дверь на ключ и подпер ее стулом. Думал разбудить отца, но понимал, что сейчас ему никто не поверит. Прошло пару часов точного ожидания рассвета, когда за стеной он услышал мужской голос и хохот Лидки. Капризный дурацкий смех постепенно перешел в сдавленное бульканье, а затем в безудержный плач. Аркашка закрыл голову подушкой. Плач нарастал и даже сквозь

пух-перо перекрывал майорский храп отца. «Иди, — услышал он в мыслях Элин голос, — иди, пахдан!» — «Я не трус», — взвизнул Аркашка, резко вскочил с постели, накинул куртку и разбаррикадировал дверь. Осторожно ступая по коридору босиком, трясясь от ужаса, он шел напрямиком на Лидкины рыдания, как крыса на дудочку Нильса. Перед комнатой замер, приложив ухо к деревянной плотной двери.

— Он не придет за тобой, идиотка! — мужской голос то срывался, то набирал силу под женские вскрики и странные, пугающие шлепки. — Ему не нужна чокнутая, он все врал, никогда не придет! Он бросил тебя, поехали, дура! Я — твой принц, я отвезу тебя на море!

— Неет, — кричала в запале Лидка, — ненавижу тебя! Он не врал, у него грезд на шее от вранья!

Аркашка, ведомый чьей-то непостижимой волей, во сто крат превышающей силу страха, распахнул дверь и увидел разъяренного Гришу с армейским ремнем в руке. С кровати в разорванной сорочке белыми рыхлыми телесами, как убежавшее из кастрюли молоко, свисала хрипящая Лидка.

— Не трожь ее, — голосом, срывающимся на визг, заорал Аркашка, — убью!

Гриша молниеносно отскочил к окну, схватил со стола кухонный тупой Лидкин нож и вскинул руку. Аркашка нащупал в кармане куртки лисью лягу на свинцовой пуговице и ловко швырнул ему в лицо. Удар пришелся по уху, Гриша увернулся, Аркашка вдогонку запустил Лидкин тяжелый башмак. Ботинок врезался в коробку с шелкопрядами наверху посудного шкафа, куча пупырчатых червей на пожеванной ими подстилке веером хлынула Грише в лицо, рассыпаясь вокруг серебристо-зелеными брызгами.

— Музяааа! — завизжала Лидка, кидаясь к подоконнику.

Аркашка оцепенел, время для него остановилось, страх снова взял верх над всеми чувствами, и под медленное кружение шелкопрядов с изрезанными виньетки тютючника он начал падать в обморок. Последнее, что он видел, — это Гришу, сигающего в открытое окно.

Сознание вернулось к Аркашке в момент, когда Лидка орошала его лицо холодной водой, набрав ее в рот из глиняного кувшина. На руках и голых ее ляжках отпечатались следы пятиконечной звезды, что была на Гришиной бляхе.

— Он не врал тебе, — измученно выдавил Аркашка. — Он не приехал, потому что был убит и утоплен в туалете на рынке. Вместе со своим крестом на шее. Я сам видел.

— Убит драконом? — Лидка закрыла руками зареванное лицо.

— Драконом, — выдохнул Аркашка.

Обессиленный, он вернулся в свою комнату и под яростный предутренний храп родителей сел за стол. Достал тетрадку в линейку, вырвал лист и, макая перо в чернильницу, написал: « $M = S \times R$, где M — мотив, S — страсть, R — ревность». Затем свернул листок треугольником, старательно выведя на обороте: «Эле. На Север».

Стрелки будильника показывали четыре тридцать. Утренние сумерки цвета сигаретного дыма заполняли комнату. На попутном грузовике, крытом брезентом, навсегда уезжал из Ташкента Гриша. Поезд дальнего следования увозил куда-то в Сибирь способную девочку Элю. Плотнo прижавшись в кровати к мамке, с липкими каплями пота на лбу дрожал Левка Фегин. Ворочался на вдовьих простынях дядя Додик, утомленный вечным ночным визгом полоумной соседки. Раздавленный солдатским сапогом, распластался на подоконнике король шелкопрядов Муся. А в окно, разрываясь от безысходности и нерастраченной любви, рыдала безумная Лидка. Бело-рыхлая, зефирно-сливочная, вожденная, не доставшаяся никому принцесса. Что-то среднее между ангелом и лягушкой-альбиносом.